

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 18. 190 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2018. No. 18. 190 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (гл. редактор), В. А. Алёкшин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очердной

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 18 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В разделе «Статьи» А. А. Малютина с соавторами, Л. Б. Кирчо и группа исследователей во главе с М. А. Кульковой публикуют новую информацию об археологических источниках, полученную современными естественно-научными методами. В работе А. В. Полякова рассмотрен вопрос о выделении локальной группы кротовской культуры, синхронной окуневским памятникам. Анализ антропоморфных элементов изображений на оленних камнях Тувы проведен М. Е. Килуновской и Вл. А. Семёновым. С. Ю. Монахов с соавторами публикует комплекс гераклейских амфор 390-х гг. до н. э. В. С. Синика с соавторами вводит в научный оборот новые материалы раскопок скифского кургана в Приднестровье. В. И. Кулаков в обширной статье рассматривает этнокультурную ситуацию на Янтарном берегу в первые века нашей эры. Серия статей посвящена проблемам древнерусской и средневековой археологии — от сфрагистики и нумизматики (С. В. Белецкий, К. В. Горлов и О. В. Рожнова) и обобщения результатов изучения Выборга (А. И. Сакса) до технологии изготовления железного инвентаря (статья В. Л. Щербакова). Итоги археологических исследований Санкт-Петербурга подведены в статье В. А. Лапшина и Н. Ф. Соловьёвой. В разделах «Из истории науки» и «Хроника» публикуются материалы заседаний, посвященных памяти сотрудников Отдела истории античной культуры И. Б. Брашинского и В. И. Денисовой.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейедам, студентам исторических факультетов вузов.

The papers included in the 18th issue of the “Transactions of IHMC RAS” introduce recent discoveries and studies in archaeology and ancient history. A. A. Malyutina with co-authors, L. B. Kircho, and a group of researchers headed by M. A. Kulkova publish new information obtained with the use of modern scientific methods. A. V. Polyakov considers the question of singling out a local group of Krotov culture sites, synchronous to the Okunev sites. The analysis of anthropomorphic elements on the deer stones of Tuva and Mongolia is presented in the work by M. E. Kilunovskaya and Vl. A. Semenov. S. Yu. Monakhov with co-authors publish a complex of Heracleian amphorae from Berezan island. V. S. Sinica with co-authors introduce new materials from a Scythian barrow in the Dniester region. T. R. Sadykov describes bone arrowheads of the first half of the I millennium AD from Tuva. The voluminous paper by V. I. Kulakov analyzes the ethno-cultural situation on the Amber coast in the first centuries of the Common Era. A series of papers deals with the problems of Old Russian and Medieval archaeology, including sphragistics and numismatics (S. V. Beletsky, K. V. Gorlov with O. V. Rozhnova), recent works at the early medieval Staraya Ladoga (A. L. Aleksandrovsky with co-authors) and medieval Vyborg (A. I. Saksa), and manufacturing technology of iron artifacts (V. L. Shcherbakov). V. A. Lapshin and N. F. Solovyova discuss some results of recent archaeological works in St. Petersburg. The sections “From the History of Science” and “Chronicle” contain materials dedicated to the memory of I. P. Brashinsky and V. I. Denisova.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>А. А. Малютина, Н. Н. Кривальцевич, А. М. Кульков.</i> Особенности обработки и использования костного и рогового сырья стоянки эпохи неолита Кузьмичи 1 (бассейн р. Припять, Республика Беларусь)	9
<i>Л. Б. Кирчо.</i> О функции так называемых каменных светильников эпохи бронзы на юге Центральной Азии и Среднем Востоке	20
<i>А. В. Поляков.</i> К вопросу о хронологическом соотношении материалов кротовской и окуневской культур (на примере могильника Сопка-2)	28
<i>М. А. Кулькова, А. М. Кульков, М. Т. Кашуба, М. Н. Ветрова, Н. А. Гаврилюк, Э. Кайзер.</i> Особенности технологии «погребальной» керамики раннего железного века в Северном Причерноморье по данным рентгеновской 3D-микротомографии	40
<i>М. Е. Килуновская, Вл. А. Семёнов.</i> Антропоморфные элементы на оленных камнях Тувы и Монголии	50
<i>С. Ю. Монахов, Е. В. Кузнецова, Д. Е. Чистов, Н. Б. Чурекова.</i> Комплекс амфор Гераклеи Понтийской из ямы № 41 (1968 г.) на о. Березань	60
<i>В. С. Синика, Н. П. Тельнов, С. Д. Лысенко.</i> Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра	69
<i>Т. Р. Садыков.</i> Костяные наконечники стрел первой половины I тысячелетия нашей эры в Туве.....	80
<i>В. И. Кулаков.</i> Начало готского пути в Восточную Европу	89
<i>А. Л. Александровский, В. А. Лапшин, Н. В. Григорьева, Е. И. Александровская, В. В. Скрипкин.</i> Почвообразование на территории Старой Ладogi в неолите и раннем средневековье	99
<i>С. В. Белецкий.</i> Древнерусские пломбы из Старой Ладogi	105
<i>В. Л. Щербаков.</i> Новые данные о технологии изготовления железного инвентаря сельских поселений Угличского течения Волги	133
<i>А. И. Сакса.</i> Выборг в первой половине — середине XVI в., или каким был город во время Микаеля Агриколы (к 500-летию Реформации)	139
<i>К. В. Горлов, О. В. Рожнова.</i> Монетный клад Смутного времени из крепости Копорье	149
<i>В. А. Лапшин, Н. Ф. Соловьёва.</i> Проблемы сохранения культурного слоя в условиях мегаполиса на примере Санкт-Петербурга	158

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>С. Н. Астахов.</i> Исследования палеолита в Туве в 1999–2012 гг.	171
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Памяти И. Б. Брашинского. К 90-летию со дня рождения	175
<i>Н. И. Брашинская.</i> Неизвестное о моем отце и семье Брашинских	182

ХРОНИКА

<i>В. А. Горнчаровский, С. В. Кашаев.</i> Заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти И. Б. Брашинского (1928–1982)	184
<i>В. А. Горнчаровский, С. В. Кашаев.</i> Заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти В. И. Денисовой (Пругло) (1929–2016)	186
Список сокращений	188

CONTENS

RESEARCH PAPERS

<i>A. A. Malyutina, N. N. Krivaltsevich, A. M. Kulkov.</i> Special aspects of processing and use of bone and antler raw materials at the Neolithic site Kuzmichi 1 (the Pripyat basin, Republic of Belarus)	9
<i>L. B. Kircho</i> On the function of so called stone lamps from the Bronze Age of South Central Asia and Middle East	20
<i>A. V. Polyakov.</i> Towards the question of the chronological relationship between the Krotov and Okunev cultures (with particular reference to the Sopka-2 cemetery)	28
<i>M. A. Kulkova, A. M. Kulkov, M. T. Kashuba, M. N. Vetrova, N. A. Gavrilyuk, E. Kaiser.</i> Technological characteristics of the “burial” pottery from the Early Iron Age of the North Black Sea region as revealed by X-ray 3D microtomography	40
<i>M. E. Kilunovskaya, Vl. A. Semenov.</i> Anthropomorphic elements on the deer stones of Tuva and Mongolia	50
<i>S. Yu. Monakhov, E. V. Kuznetsova, D. E. Chistov, N. B. Churekova.</i> Complex of amphorae from Heraclea Pontica, pit No. 41 (1968), Berezan island	60
<i>V. S. Sinica, N. P. Telnov, S. D. Lysenko.</i> Scythian barrow with children’s burials on the left bank of the Lower Dniester	69
<i>T. R. Sadykov.</i> Bone arrowheads of the first half of the I millennium AD in Tuva	80
<i>V. I. Kulakov.</i> The beginning of the Gothic movement to Eastern Europe	89
<i>A. L. Aleksandrovsky, V. A. Lapshin, N. V. Grigorieva, E. I. Aleksandrovskaya, V. V. Skripkin.</i> Soil formation at Staraya Ladoga in the Neolithic and Early Medieval time	99
<i>S. V. Beletsky.</i> Old Russian seals from Staraya Ladoga	105
<i>V. L. Shcherbakov.</i> New data on the manufacturing technology of iron artifacts from the rural settlements of the Uglich area	133
<i>A. I. Saksa.</i> Vyborg in the first half and the middle of the XVI c., or what the town was like in the times of Mikael Agricola (on the occasion of the 500 th anniversary of the Reformation)	139
<i>K. V. Gorlov, O. V. Rozhnova.</i> Coin hoard of the Time of Troubles from the fortress of Koporie	149
<i>V. A. Lapshin, N. F. Solovyova.</i> Problems of cultural layer protection in urban metropolitan conditions (with particular reference to St. Petersburg)	158

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

<i>S. N. Astakhov.</i> Paleolithic studies in Tuva in 1999–2012	171
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> To the memory of I. B. Brashinsky. On the occasion of the 90 th birth anniversary	175
<i>N. I. Brashinskaya.</i> Unknown facts about my father and the Brashinskys family	182

CHRONICLE

<i>V. A. Goroncharovsky, S. V. Kashaev.</i> Session of the Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS dedicated to the memory of I. B. Brashinsky (1928–1982)	184
<i>V. A. Goroncharovsky, S. V. Kashaev.</i> Session of the Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS dedicated to the memory of V. I. Denisova (Pruglo) (1929–2016) ..	186
List on abbreviations	188

АНТРОПОМОРФНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ НА ОЛЕННЫХ КАМНЯХ ТУВЫ И МОНГОЛИИ¹

М. Е. КИЛУНОВСКАЯ, Вл. А. СЕМЁНОВ²

Ключевые слова: оленные камни, Тува, Монголия, херексуры, курганы, раннескифское время, алды-бельская культура.

В Центральной Азии обнаружена серия оленных камней с антропоморфными мотивами (лицо, ладонь или схематичная фигура человека). Они встречаются и на других камнях совместно с изображениями, выполненными в монголо-забайкальском, саяно-алтайском и евразийском стилях (рис. 1–3). Названные мотивы указывают на символику оленных камней, которую толкуют двояко. Согласно первой интерпретации оленные камни представляют собой изображение первопредка или героя-воина или вора, крадущего скот. В соответствии со второй трактовкой оленный камень являлся кенотафом, замещавшим могилу человека.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-50-59

В 2016–2017 гг. Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН проводила изыскания в урочище Ховужук-Аксы вблизи монгольской границы, правее трассы Хандагайты — Мугур-Аксы. При ее строительстве натолкнулись на комплекс оленных камней, причем один из них оказался под полотном дороги, из-под которого и был извлечен (Килуновская, Семёнов 2014: 36). При осмотре окружающей территории зафиксировано 134 археологических объекта в северной части могильника Ховужук-Аксы, расположенного между заболоченным берегом р. Шырган-Озен и дорогой. Среди этих памятников выделяются четыре херексура с лучами, оградой и комплексом поминальных колец (диаметром 50–80 м, высотой до 1,8 м). Здесь обнаружены курганы скифского времени с округлой каменной насыпью (диаметр — 6–13 м, высота — до 20 см), западиной или плоской вершиной; западины с комплексами поминальников; плоские округлые каменные выкладки диаметром 2–4 м, возможно, имевшие поминальный характер, и три сооружения с прямоугольной оградой. Херексуры сопровождают 86 каменных колец-поминальников. Кроме того, на площади могильника обнаружено семь древнетюркских прямоугольных поминальных оградок со стелами и балбалами, которые являются в большинстве

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² М. Е. Килуновская и Вл. А. Семёнов — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

случаев оленными камнями во вторичном использовании. Внимания заслуживает объект № 9, состоящий из четырех оградок, сделанных из оленных камней. К западу от них поставлены оленные камни, от которых отходят цепочки балбалов из оленных камней. Всего в 2017 г. обнаружено не менее 83 различных стел, включая 34 оленных камня, 11 из которых были вкопаны, остальные либо упали, либо были перемещены. Площадь могильника подверглась сильной распашке, поэтому некоторые объекты и изваяния были разрушены. Стелы в основном сломаны, но их основание сохранялось на первоначальном месте. Часть стел (не менее 22) включена в ряды балбалов. Обнаружена цепочка вкопанных вертикально стел (не менее 15) без изображений. Она вела от херексура к скоплению оленных камней, возможно, являвшемуся святилищем. На всех оленных камнях в верхней части показаны круги-серьги, вверху и посередине исполнены широкие полосы — диадемы и пояса, ожерелье из лунок. На большей части стел изображены три косые полосы, оружие в виде чеканов или клевцов, кинжалы скифского типа, а также фигуры животных — козлов и оленей в скифо-сибирском стиле. На одном камне представлена квадрига, запряженная четырьмя лошадьми.

Особый интерес вызывает камень № 9 (рис. 1). Его высота составляет 130 см, ширина варьирует от 30 до 15 см. На лицевой стороне стелы, неровной и слегка наклоненной вперед, выбиты три полосы (рис. 1, а, б). На правой стороне камня показан круг (серьга), ниже которого расположена ромбовидная фигура. На расстоянии 30 см от верха стелы ее пересекает пояс (широкая линия), на котором выбиты акинак и лук в горите (рис. 1, в). На левой стороне камня, выше пояса, изображена ладонь с растопыренными пальцами. Сверху к ладони присоединены чекан и недоуздок (извилистая полоса), соединенный с помещенной под поясом реалистичной фигурой коня. Последний имеет опущенную вниз морду, листовидное ухо и длинный хвост (рис. 1, а, б). На тыльной стороне стелы выбита схематичная фигурка «мертвого» человека, поскольку он изображен вниз головой (рис. 1, г). Такая трактовка этого образа соответствует общей схеме бинарных оппозиций. Подобные фигурки встречаются на оленных камнях, положенных в насыпи курганов (например, могильник Бай-Даг 8), где они, возможно, символизируют кенотафы (Килуновская, Семёнов 2014: 38–41; Ковалёв и др. 2014: 51–52), а также на плитах тагарских курганов (Семёнов и др. 2003: 59, рис. 57, 58 и др.). Антропоморфная фигура такого рода может рассматриваться как знак, связывающий оленные камни с погребениями. В этом отношении важно также изображение коня, который является частью погребальных культов, широко представленных у скифов. Выполненный на камне № 9 конь, над которым как бы занесен чекан, можно рассматривать как жертву. Конские останки неоднократно зафиксированы в ритуальных сооружениях, которые сопровождали комплексы с оленными камнями и херексуры (Ковалёв и др. 2014: 45–46).

В Туве известны еще три камня с изображением ладони. Все они происходят из Уюкской котловины. Один из них, найденный С. А. Теплоуховым в 1,5 км к северу от пос. Уюк, опубликован без масштаба и потому невозможно представить его размеры (Кызласов 1978: рис. 3). Л. Р. Кызласов, ссылаясь на дневники С. А. Теплоухова, пишет, что камень имел высоту 1,7 м. На его лицевой стороне выбиты три косые линии. Ниже показан пояс, а на нем чекан и косая линия (нож или акинак?) (рис. 2, 3). Рукоять чекана соединена с ладонью, обозначенной контурным кругом

Рис. 1. Могильник Ховужук-Аксы (Овьурский р-н, Республика Тыва), олений камень № 9
 Fig. 1. Khovuzhuk-Aksy cemetery (Ovyur district of the Republic of Tuva), deer stone No. 9

с пятью отростками (пальцами). Верхняя часть камня имеет небольшой выступ и как бы нависает над ожерельем. На боковой, по всей видимости, левой стороне сверху расположены серьга с круглой подвеской и ожерелье (цепочка овальных лунок).

Подобное изображение ладони имеется и на оленном камне из кургана Чингетей I (рис. 2, 2), который исследует К. В. Чугунов. Стела была вмурована в основание кладки кромлеха, окружающего курган. Круглая ладонь выбита на левой стороне камня в средней зоне (Чугунов 2014: рис. 7). Автор раскопок трактует этот контурный

круг как зеркало (Там же: 138). В верхней части стелы на узкой грани показаны три косые линии, под которыми находится продолговатый выступ, обозначающий нос антропоморфной фигуры. На боковых гранях изображены серьги с конусовидными подвесками, ожерелье из овальных лунок, на задней грани замыкающееся кругом-застежкой, на поясе находился полный набор боевого инвентаря — чекан, кинжал, горит, оселок, нож. Расположение кисти, как представляется, соответствует положению согнутой на груди руки, как это часто встречается в скифских погребениях. В этом кургане обнаружен еще один оленный камень, который также был уложен в наземном сооружении напротив воинского погребения. К. В. Чугунов подчеркивает, что «находка целых стел в конструкции кургана Чинге-Тей еще раз демонстрирует участие изваяний в погребальном обряде» (Там же: 139).

Третий уюкский камень (рис. 2, 1) найден возле пос. Аржаан Л. С. Марсадоловым (Марсадолов 2005: рис. 4). Речь идет о прямоугольной стеле из коричневатокрасноватого песчаника высотой 1,1 м, шириной 22 см и толщиной 11 см. Этот камень необычен комбинацией своих изображений. Его лицевая узкая верхняя часть с тремя косыми полосами выступает вперед над фронтальной, слегка стесанной поверхностью, лишенной изображений вплоть до пояса. Пояс имеет вильчатую застежку: раздвоенная фигура с утолщениями на конце. К поясу прикреплены оселок и кинжал, причем его прямое перекрестие и лезвие показаны уже на левой стороне камня, на которой также выбиты серьга с конической подвеской и ладонь с пятью пальцами, опущенными вниз, под которой располагаются серповидный предмет (возможно, рог барана) и горит с луком. Дисковидное силуэтное изображение ладони на этом камне отличается от двух вышеописанных круглых контурных (рис. 2, 1). На правой грани в верхней части (на голове) показано украшение из вписанных друг в друга двух колец, а под поясом — чекан с круглым обухом. На тыльной узкой грани (на спине) выполнена фигура скребущего когтями хищника длиной около 25 см. Экстерьер зверя необычен: большая морда, раскрытая пасть, высунутый язык, непропорционально длинное тело. Но если изображение свернуть в кольцо, то оно будет соответствовать фигурам свернувшихся хищников (прежде всего изображению волка) на оленном камне, найденном недалеко от пос. Аржаан у горы Кош-Пей (Килуновская, Семёнов 1998: 144–145, рис. 3). Ближайшей аналогией фигурам упомянутых хищников является найденная в кургане Аржаан-1 уникальная бронзовая конская бляха в виде пантеры, которая соответствует им не только по стилю, но и по размерам. На кош-пейском камне мы видим также изящную фигуру лошади с подогнутыми ногами, длинной шеей и двумя ушами листовидной формы, а на лицевой грани — втульчатый клевец с длинной рукоятью, имеющей овальное утолщение (вток). Он направлен в сторону оленей с удлинёнными клювовидными мордами, заполняющими всю правую грань камня. Безусловно, здесь опять отражена идея жертвенности или жертвоприношения.

Описанные выше камни кроме изображений кисти объединяет оформление верхней части стелы в виде уступа. С помощью этого художественного приема оленные камни приобрели антропоморфные очертания. На стеле из Чинге-Тей I уступом был показан человеческий нос.

Среди оленных камней с антропоморфными элементами, включающими в частности изображение кисти, известно несколько изваяний, на которых три полосы на узкой грани замещены реальными человеческими лицами. На камне с горы Чарга

Рис. 2. Оленные камни с изображением руки из Тувы: 1 — поселок Аржаан (по: Марсадолов 2005); 2 — Чинге-Тей 1 (по: Чугунов 2014); 3 — Уюк (по: Кызласов 1978; без масштаба)

Fig. 2. Deer stones with depictions of hand from Tuva: 1 — Arzhaan township (after Марсадолов 2005); 2 — Chinge-Tei 1 (after Чугунов 2014); 3 — Uyuk (after Кызласов 1978; not to scale)

представлен не только человеческий лик, но и три полосы (рис. 3, 4). Эта, по всей видимости, наиболее архаичная стела не имеет также и других обычных компонентов, оформляющих «стандартные» оленные камни. На ней не изображено оружие, а фигуры зверей в средней зоне между гривной (выбитая полоса под лицом)

и поясом выполнены в свободной манере, характерной для петроглифов, но, несомненно, относящейся к аржано-майэмирскому стилю раннескифского времени (Килуновская, Семёнов 1999: 139, рис. 11).

Более строгие композиции сохраняются на оленних камнях Монголии, на которых три косые полосы заменены личинами. Наряду с такими классическими и хорошо известными памятниками как стела из Алтанбулаг сумына на р. Туул (Волков 2002: табл. 110) и Ушкийн-Увэр Хубсугульского аймака (Там же: табл. 79) в Монголии встречаются и архаичные произведения искусства, представленные на обломке скалы, где фигуры оленей, выполненные в монголо-забайкальском стиле, выбиты на пригодных для этого плоскостях, наряду с изображением лица, глаза которого обозначены точками, нос — П-образным перевернутым знаком, а рот — черточкой (камень из Жаргалант сумын; Там же: табл. 39) (рис. 3, 5).

Хотя число оленних камней с антропоморфными признаками незначительно, среди них встречаются уникальные экземпляры, по своей стилистике отличающиеся от стандартных типов стел. В Туранском краеведческом музее (Тува) хранится скульптура с четко проработанными чертами лица (Килуновская, Семёнов 1999: рис. 12). Она характеризуется конической головой, выделенной на лицевой грани нависающим выступом, как и на других уюкских камнях. Рельефными валиками показаны овальные рот и большие глаза с эпикантусом, прямой длинный нос, надбровные дуги, круглый подбородок, рельефом подчеркнуты слегка выступающие скулы. Желобок-ожерелье отделяет голову от средней части камня, где выбиты схематичные фигуры животных (рис. 3, 1). Самой примечательной деталью этого изваяния являются ушные раковины, изображенные повернутыми в обратную сторону, как у фигуры богини на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана (рис. 3, 2 — Артамонов 1973: рис. 77). Эта деталь указывает на то, что перед нами находится «нездешнее существо».

На другом камне из Тувы имеется изображение ушей, выполненное в обычной манере (оленний камень № 5, могильник Адыр-Тей на левом берегу р. Суг-Кежиг, в 20 км от пос. Чаа-Сур [Овюрский р-н]). Эта стела (Плотников, Худяков 1987: 110, рис. 1, 4) тоже уникальна. Ее верхней части придана форма человеческой головы без лица, вместо которого выбиты три косые полосы (рис. 3, 3). К сожалению, камень опубликован частично, поэтому неизвестно, что было выбито в его нижней части.

Изображение лица или оформление верхней части стелы в виде контура головы позволяет рассматривать оленний камень как антропоморфный образ. Ограниченное количество таких стел позволяет сделать вывод о том, что личина не имела большого значения в семиотическом плане. По-видимому, этот образ был и так понятен в том социуме, в культуре которого он существовал. Большее значение имело изображение трех косых линий, которые указывают на некоторую иную, не вполне человеческую природу изображенного в камне персонажа.

В то же время нанесенная на стелы фигура ладони с растопыренными пальцами позволяет видеть в ней отголосок культа бога-громовика, широко распространенного в Северной Евразии и восходящего к общеиндоевропейскому архетипу. Божеество верхнего мира наделяется гипертрофированно большой ладонью или ступней (Семёнов 1990; 1994). Его атрибутами являются, прежде всего, топор или клевец (чекан), а также лук в налучье и акинак. Несоразмерно большая кисть руки изображается также и на скифских изваяниях в восточноевропейском ареале, например,

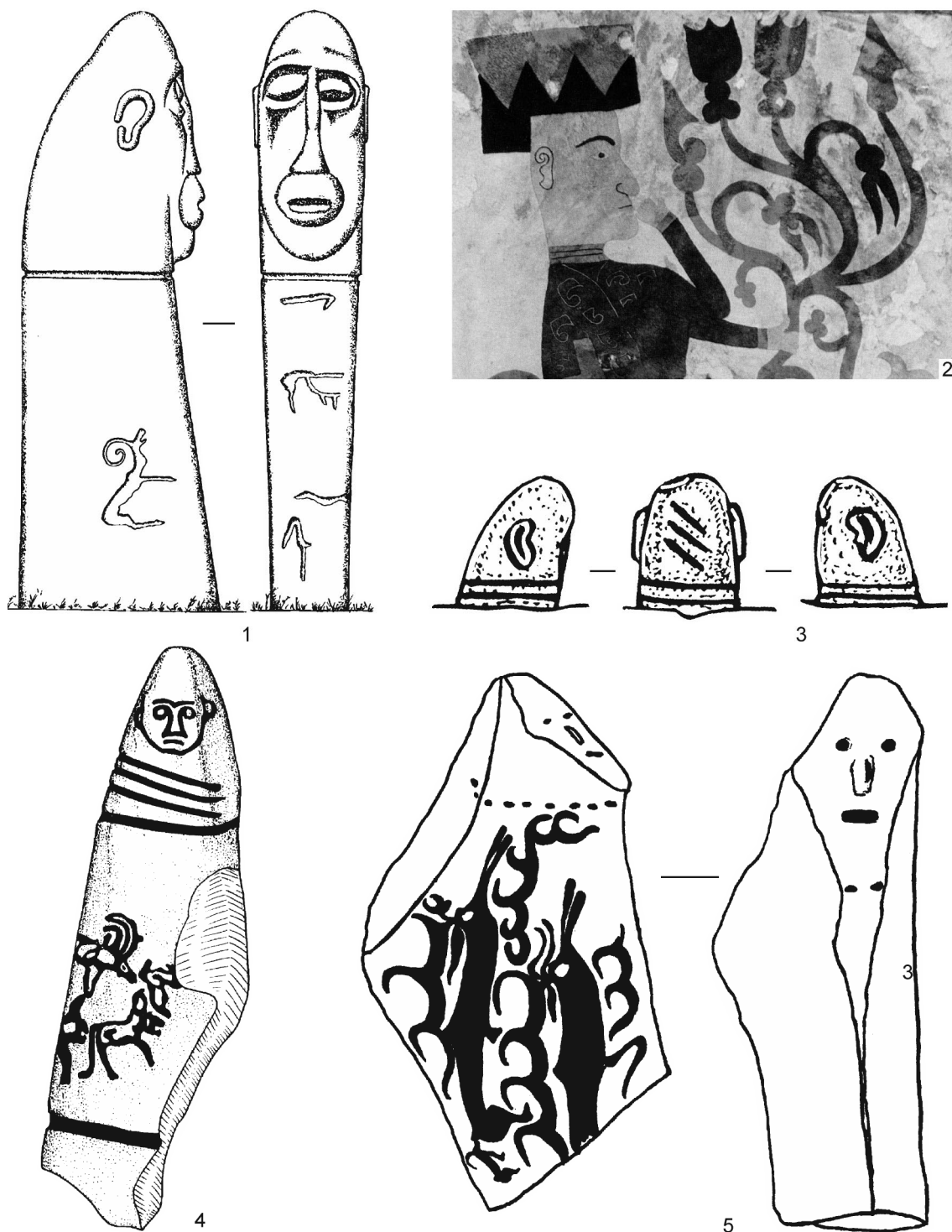

Рис. 3. Оленные камни с личинами (1, 3–5) и ковер из Пятого Пазырыкского кургана (2 — по: Артамонов 1973): 1 — Туранский краеведческий музей и 4 — Чарга, Тува (по: Килуновская, Семёнов 1999); 3 — Адыр-Тей, Тува (по: Плотников, Худяков 1987); 5 — Жаргалант сумын, Монголия (по: Волков 2002)

Fig. 3. Deer stones with faces (1, 3–5) and the carpet from the Fifth Pazyryk barrow (2 — after Артамонов 1973): 1 — Turan Regional Museum, and 4 — Charga, Tuva (after Килуновская, Семёнов 1999); 3 — Adyr-Tei, Tuva (after Плотников, Худяков 1987); 5 — Jargalant district, Mongolia (after Волков 2002)

на скульптуре из Терновки, где показаны кисти рук с растопыренными пальцами, причем одна из них покоится на левом боку рядом с горитом, а другая — на груди с рогом для питья (Ольховский, Евдокимов 1994: 18, рис. 8).

Однако сближение оленных камней с восточноевропейскими стелами весьма условно, так как скифские изваяния являются в основном полномерными скульптурами, которые восходят к местным традициям эпохи энеолита и бронзового века. А. И. Зайцев, а затем Я. В. Васильков высказали предположение, что такие антропоморфные изваяния могли быть материальным, а не вербальным воплощением индоевропейской поэтической формулы со значением «непреходящая слава». Они связаны с погребальными памятниками — курганами, о символическом значении которых свидетельствует гомеровский эпос, в котором курган осмысливается как физическое воплощение славы героя, как «знак», призванный напомнить о нем и его деяниях (Васильков 2010: 68–69). Я. В. Васильков сопоставляет ареал антропоморфных изваяний с ареалом скотоводов, племенам которых были присущи военные конфликты. Часто стелы увековечивали память героев, павших в межплеменных столкновениях. О прямом отношении этих изваяний к «непреходящей славе» свидетельствуют индийские стелы «кирстимукха» — «столп славы», часто увенчанные личиной апотропея (Там же: 70–71), то есть охранителя стад и стойбищ, символа «непреходящей славы», призванного увековечить память похитителя скота, удачливого в набегах на соседей или в отражении нападения врагов.

Оленные камни Центральной Азии лишь условно могут быть названы «антропоморфными» изваяниями. На них доминируют анималистические образы, связанные с мифологическими представлениями племен скифо-сакского круга, что говорит о синкретичном содержании этого символа, воспроизведенного в камне.

По-видимому, оленный камень являлся полифункциональным медиатором между мирами живых и мертвых. Практика «захоронения» этих стел свидетельствует о том, что они могли считаться кенотафами. Их закладка в основание кургана свидетельствует о том, что оленные камни рассматривали в качестве закладной жертвы, замещающий человеческое жертвоприношение. Изобразив на стелах отсутствующее в погребениях оружие, полагали, что оно станет настоящим в другом мире. Казалось бы, что прошедшие столетия не позволяют восстановить обряды центральноазиатских кочевников, связанные с контактами или общением с умершими, но такие ритуалы, сохранившиеся в ираноязычной среде, например, у осетин, могут рассматриваться как косвенные указания на обычаи, существовавшие в древности. В поминальном обряде осетин особое внимание заслуживает «ночь мертвых», которую отмечали на Новый год. В эту ночь душа покойника прилетала домой и оставалась там до рассвета. Она вселялась в изображавшее покойника чучело, которое состояло из двух крестообразно сложенных палок. На них надевали одежду умершего. За чучелом, посаженным на видном месте перед накрытым столом, вывешивали на столбе предназначенные для передачи покойнику кинжал, ружье, седло, бурку и плеть (Калоев 1999: 204–205).

Этот архаичный обычай, призванный сохранить накопленное добро, не помещая его в погребение, аналогичен ритуалу из другой части света. В Южной Скандинавии клады или погребальный инвентарь замещали изображениями их на скалах. На монгольских оленных камнях зачастую изображено оружие карасукского типа, которое в могилах, как правило, отсутствует. Скифское престижное оружие,

показанное на оленных камнях Тувы, также редко находят в курганах. Все это является проявлением идеи замены реальных ценностей их заместителями, то есть изображениями на оленных камнях, которые, по всей вероятности, сами являются вместилищем души умерших, для которых вырубали пятиугольные решетчатые фигуры, интерпретируемые обычно как щиты.

Оленные камни относятся к ранней стадии существования культур скифского типа и иллюстрируют круг мифо-ритуальных представлений, имеющих общие корни в индоевропейском мире. Исследования могильника Ховужук-Аксы, находящегося на границе Монголии и Тувы, открыли здесь особый ареал этих памятников древнего искусства, для которого характерны как определенные сходства, так и различия в художественном оформлении стел.

Литература

Артамонов 1973 — *Артамонов М. И.* Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство, 1973. 289 с.

Васильков 2010 — *Васильков Я. В.* Индоевропейская поэтическая формула и древнейшая концепция героизма в «Махабхарате» // Васильков Я. В., Кисилиер М. Л. (ред.). Поэтика традиции: сб. ст. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 68–91.

Волков 2002 — *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Калоев 1999 — *Калоев Б. А.* Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999. 393 с.

Килуновская, Семёнов 1998 — *Килуновская М. Е., Семёнов Вл. А.* Оленные камни Тувы (ч. 1. Новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности) // АВ. 1998. № 5. С. 143–154.

Килуновская, Семёнов 1999 — *Килуновская М. Е., Семёнов Вл. А.* Оленные камни Тувы (ч. 2. Сюжеты, стиль, семантика) // АВ. 1999. № 6. С. 130–145.

Килуновская, Семёнов 2014 — *Килуновская М. Е., Семёнов Вл. А.* Оленные камни в погребальном обряде скифских культур Тувы // Тишкин А. А. (отв. ред.). Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 36–41.

Ковалёв и др. 2014 — *Ковалёв А. А., Рукавишников И. В., Эрдэнбаатар Д.* Оленные камни — это памятники-кенотафы (по материалам новейших исследований в Монголии и Туве) // Там же. С. 41–54.

Кызласов 1978 — *Кызласов Л. Р.* К изучению оленных камней и менгиров // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 25–30.

Марсадолов 2005 — *Марсадолов Л. С.* «Оленные» камни из поселка Аржан в центре Азии // Гуляев В. И. (гл. ред.). Древности Евразии: От ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М.: ИА РАН, 2005. С. 301–311.

Ольховский, Евдокимов 1994 — *Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л.* Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М.: ИА РАН, 1994. 188 с.

Плотников, Худяков 1987 — *Плотников Ю. А., Худяков Ю. С.* Оленные камни Тувы // Мартынов А. И., Молодин В. И. (отв. ред.). Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 108–112.

Семёнов 1990 — *Семёнов Вл. А.* Башмачок Золушки (Знак/символ — след/стопа как явление культуры) // Иванов Вяч. Вс. (отв. ред.). Традиционная духовная культура народов европейского Севера: ритуал и символ. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ГУ, 1990. С. 55–67.

Семёнов 1994 — *Семёнов Вл. А.* Два знака-индекса в наскальном искусстве Фенноскандии // Вилинбахов Г. В. (науч. ред.). Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. В. И. Равдоникаса: ТД. СПб.: Изд-во ГЭ, 1994. С. 90–92.

Семёнов и др. 2003 — *Семёнов Вл. А., Килуновская М. Е., Красниченко С. В., Субботин А. В.* Изображения на плитах тагарских курганов. СПб.: ИИМК РАН, 2003. 121 с.

Чугунов 2014 — *Чугунов К. В.* Оленные камни Чинге-Тея (предварительное сообщение) // Тишкин А. А. (отв. ред.). Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 136–140.

ANTHROPOMORPHIC ELEMENTS ON THE DEER STONES OF TUVA AND MONGOLIA

M. E. KILUNOVSKAYA, VL. A. SEMENOV

Keywords: *deer stones, Tuva, Mongolia, kheregsurs, barrows, Early Scythian time, Aldy-Belsk culture.*

A series of deer stones with anthropomorphic motifs (face, palms, or schematic human figures) was discovered in Central Asia. These motifs can be found also on other stones together with images made in the Mongol-Transbaikalian, Sayan-Altayan and Eurasian styles (Fig. 1–3). The motifs under question point to the symbolic meaning of deer stones, which is interpreted in two ways. According to the first interpretation, the stones represent images of the primal forefather, or warrior-hero, or thief, stealing livestock. The second interpretation treats deer stones as cenotaphs.